

Annotation

Вещь странная и столь же малоизвестная, как, впрочем, и множество других! Почти все историки, изучавшие эту эпоху, единодушно утверждают, что королева Изабелла Баварская, начиная с бракосочетания и до дня, когда стало известно о безумии короля, казалась народу – как беднякам, так и всем остальным – «ангелом кротости, святою и мудрою государыней». Следовательно, есть основания предполагать, что тяжелая болезнь короля и пример разнузданных придворных нравов оказали влияние на тот новый облик, в котором Изабелла предстала ко времени, к которому относится наш рассказ. (Примеч. автора.)

- [Огюст Вилье де Лиль-Адан](#)
  -
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Огюст Вилье де Лиль-Адан Королева Изабо (из книги «Жестокие рассказы»)

Посвящается графу д'Омуа

Хранитель Дворца книг повествует: Прекрасная царица Нитокрис, чьи ланиты были подобны розам, вдова Папи I из 10-й династии, возжелав отомстить убийцам брата, созвала их на ужин в подземный зал своего Азнакского дворца и, внезапно покинув пирующих, приказала впустить туда воды Нила.

Манефон^[1]

Около тысяча четыреста четвертого года (я обращаюсь к столь отдаленным временам лишь для того, чтобы не шокировать моих современников) Изабелла, супруга короля Карла VI^[2] и регентша Франции, жила в Париже в старинном особняке Монтагю, своего рода дворце, более известном под названием особняка Барбет.

Там задумывались знаменитые потешные бои, происходившие на водах Сены при свете факелов; непрерывной чередой шли ночные празднества, музыкальные представления и пиры, обязанные своей чарующей прелестью как красоте дам и молодых вельмож, так и неслыханной роскоши двора.

Королева только что ввела в моду ажурные платья, которые едва прикрывали грудь сеткой лент, расцвеченных драгоценными камнями, и те самые прически, из-за которых пришлось на несколько локтей увеличить высоту дверных сводов в феодальных замках. Днем придворные собирались неподалеку от Лувра – в приемном зале и апельсиновом саду королевского казначея мессира Эскабаля. Там велась крупная игра, и нередко кости, выброшенные из стаканчика игроком в гальбик, падали на ставки, способные вызвать голод в целых провинциях. Понемногу расточались немалые сокровища, с таким трудом накопленные бережливым Карлом V^[3]. Казна пустела, зато росли подати, повинности, сборы, субсидии^[4], секвестры, налог на соль и всякие незаконные пошлины. Радость царила во всех сердцах. Но в те же самые дни угрюмый, избегавший двора и уже отменивший в своих землях все эти гнусные поборы Жан де Невер, рыцарь и сеньор Саленский, граф Фландрии и Артуа, граф Неверский, барон Ретельский, палатин Малинский, дважды пэр и первый из пэров Франции, двоюродный брат короля, воин, провозглашенный впоследствии на Констанцском соборе единственным полководцем, за слепое повиновение которому никто не мог быть отлучен от Церкви, первый вассал короны и первый подданный короля (который в свою очередь всего лишь первый подданный народа), наследственный герцог Бургундский, будущий герой Никополя и того победоносного сражения на плато Эсбэ, где, покинутый фламандцами, он стяжал у всего войска героическое прозвище Бесстрашный, избавив Францию от самого опасного врага, – в те же самые дни, говорю я, Иоанн Бесстрашный^[5], сын Филиппа Отважного и Маргариты II, ради спасения отчизны готовился огнем и мечом сокрушить Генриха Дерби^[6], графа Герфордского и Ланкастерского, пятого из королей Англии, носивших такое имя, но добился лишь того, что неблагодарная Франция, подражая англичанину, назначившему награду за его голову, объявила его изменником.

Делались первые, еще неумелые попытки играть в карты, которые совсем недавно привезла во Францию Одетта де Шан-д'Ивер^[7].

По любому поводу бились об заклад; пили вино с лучших виноградников герцогства Бургундского. Слушали новые тенсоны^[8] и

вирелэ^[9] герцога Орлеанского^[10] (одного из самых влюбленных в звучные рифмы принцев герба Лилии^[11]). Спорили о модах и об искусстве оружейников; частенько распевали нескромные песенки.

Берениса, дочь богача Эскабаля, была любезной и прехорошенькой девицей. Ее невинная улыбка привлекала в дом блестящий рой дворян. Было известно, что она принимает всех с равной учтивостью.

Однажды молодой вельможа, видам^[12] де Моля, бывший в то время возлюбленным Изабеллы, побился (выпив вина, разумеется!) об заклад под честное слово, что восторжествует над непреклонной девственностью дочери мэтра Эскабаля, короче – что овладеет ею в самые ближайшие дни.

Он бросил эти слова обступившим его придворным. Вокруг раздавались смех и песни, но шум не заглушил неосторожной фразы молодого человека. Об этом пари, заключенном под стук кубков, стало известно Людовику Орлеанскому.

Людовика Орлеанского, своего деверя, королева еще с первых дней регентства удостоила страстной привязанности. То был блестящий, легкомысленный и в то же время на редкость коварный и опасный принц. В Изабелле Баварской и в нем было от природы много родственного, и от этого их связь походила на кровосмешение. Не говоря уже о случайных возвратах увядшей нежности, принц умел поддерживать в сердце королевы некое подобие любовной склонности к нему, которая объяснялась скорее общностью интересов, нежели симпатией.

Герцог следил за фаворитами невестки. Когда ему казалось, что близость любовников начинает угрожать тому влиянию на королеву, которое ему хотелось сохранить за собой, он был не слишком разборчив в средствах и, не гнушаясь даже доносом, вызывал разрыв, почти всегда трагический.

Поэтому он позаботился, чтобы вышеупомянутые слова дошли до сведения венценосной возлюбленной видама де Моля.

Изабелла улыбнулась, пошутила над ними и, казалось, оставила их без внимания.

У королевы были свои доверенные лекари, которые продавали ей секреты восточных снадобий, способных разжигать огонь вожделения к ней. Эта новая Клеопатра была создана скорее председательствовать на судах любви^[13] в каком-нибудь замке или быть законодательницей мод в дальней провинции, чем освободить от англичан родную страну. Но на этот раз она не стала советоваться со знахарями – даже с Арно Гилемом, своим алхимиком.

Однажды, спустя некоторое время, сир де Моль находился ночью у королевы в особняке Барбет. Час был поздний; утомленных наслаждениями любовников клонило ко сну.

Внезапно г-ну де Моллю показалось, что в Париже раздались редкие, зловещие удары колокола.

Он приподнялся и спросил:

– Что это?

– Ничего... Оставь!.. – томно ответила Изабелла, не открывая глаз.

– Как ничего, царица души моей? Ведь это набат!

– Да... Возможно... Но что из того, мой друг?

– Горит какой-то дворец!

– Мне как раз это и снилось, – сказала Изабелла.

Губы охваченной дремотой красавицы приоткрылись в улыбке, обнажив два ряда жемчужин.

– И знаешь, милый, мне снилось, что поджигал ты, – продолжала она. – Я видела, как ты швырнул горящий факел в подвал, полный сена и бочек с маслом.

– Я?

– Да!.. – Она лениво цедила слова. – Ты поджег дом мессира Эскабаля, знаешь, моего казначея, чтобы выиграть давешнее пари.

Охваченный смутным беспокойством, сир де Моль полуоткрыл глаза.

– Что за пари? Вы еще не проснулись, мой ангел?

– Ну, то самое: что ты станешь любовником его дочери, маленькой Беренисы, у которой такие красивые глаза!.. Какая это милая и славная девушка, не правда ли?

– Что вы говорите, любезная Изабо?

– Разве вы не поняли меня, мой повелитель? Я сказала, что мне приснилось, как вы поджигали дом моего казначея, решив во время пожара похитить его дочь, сделать ее своей любовницей и выиграть пари.

Видам безмолвно посмотрел вокруг.

Зарево далекого пожара освещало цветные стекла спальни; под их пурпурным отблеском рдело кровью горностаевое покрывало королевского ложа; атели лилии на гербах и лилии, увядавшие в покрытых эмалью вазах. И на подносе, уставленном вином и плодами, багрятели две чаши.

– Ах, да! Припоминаю... – вполголоса сказал молодой человек, – это правда; я хотел привлечь взгляды придворных к этой девочке, чтобы отвратить их от нашего счастья!.. Но взгляните, Изабо, пожар и в самом деле сильный – огонь полыхает рядом с Лувром.

При этих словах королева приподнялась на локте, пристально и

молчаливо посмотрела на видама де Моля и покачала головой, а затем, шаловливо рассмеявшись, запечатлела долгий поцелуй на губах юноши.

– Ты расскажешь об этом мэтру Каппелюшу, когда он будет колесовать тебя на Гревской площади. Вы коварный поджигатель, возлюбленный мой!

И зная, что ошеломляющий восточный аромат ее тела разжигает чувственность до такой степени, что мужчина лишается способности мыслить, она прижалась к нему.

Набат не стихал; вдали раздавались крики толпы.

Де Моль шутливо возразил:

– Но ведь надо еще доказать преступление.

И вернул ей поцелуй.

– Доказать преступление, злой?

– Разумеется.

– А сумеешь ли ты доказать, сколько поцелуев получил от меня? Ведь это все равно, что пересчитать мотыльков, порхающих в воздухе летним вечером!

Не отрываясь, смотрел он на свою пламенную – и такую бледную! – возлюбленную, которая несколькими мгновениями раньше расточительно и самозабвенно дарила ему самые восхитительные ласки.

Потом он взял ее за руку.

– Все будет очень просто, – продолжала она. – Кому был нужен поджог, чтобы похитить дочь мессира Эскабаля? Одному тебе. Ты же побился об заклад под честное слово! А сказать, где ты был, когда произошел пожар, ты не можешь... Как видишь, этого достаточно, чтобы в Шатле^[14] начали уголовный процесс. Сначала будет следствие, а потом... – она подавила зевок, – пытка довершит остальное.

– А я не могу сказать, где был? – спросил г-н де Моль.

– Конечно, нет; король Карл Шестой жив, а вы во время пожара пребывали в объятиях королевы Франции, наивное дитя!

За обвинением неизбежно и зловец вставала смерть.

– Вы правы! – воскликнул сир де Моль, очарованный нежным взглядом возлюбленной.

Он упоенно обхватил рукой ее юный стан, окутанный волной волос, светлых, как расплавленное золото.

– Все это дурной сон! – сказал он. – О, жизнь моя, как ты прекрасна!..

С вечера они занимались музыкой; на подушке еще лежала отброшенная им лютня; в эту минуту на ней лопнула струна.

– Усни, мой ангел! Ты устал! – прошептала Изабелла, тихо склоняя к себе на грудь голову юноши.

Услышав звон инструмента, она вздрогнула: влюбленные суеверны.

Наутро видам де Моль был схвачен и брошен в одну из камер Большого Шатле. Ему предъявили предсказанное королевой обвинение, и следствие началось. Все было так, как предугадала венценосная очаровательница, «краса коей была столь велика, что пережила ее страсти».

Видам де Моль не сумел доказать того, что на языке правосудия называется алиби.

После допросов, сопровождавшихся пыткой предварительной, обычной и чрезвычайной, он был приговорен к колесованию.

Ничто не было забыто: ни церковное покаяние, ни черное покрывало, ни прочие кары, назначаемые поджигателям.

Но тут в Большом Шатле произошел необычный случай.

Адвокат молодого человека, которому тот признался во всем, проникся к нему глубоким сочувствием.

Убедясь в невинности г-на де Моля, заступник сам оказался повинен в героическом поступке.

Накануне казни он явился в темницу и, надев свою мантию на осужденного, дал ему возможность бежать. Короче говоря, заменил его собой.

Был ли он человеком большой и благородной души? Или просто честолюбцем, затеявшим страшную игру? Кто это угадает?

Не успев даже залечить переломы и ожоги, полученные им во время пыток, видам де Моль уехал на чужбину и умер в изгнании.

Но адвоката не отпустили.

Прекрасная подруга видама де Моля, узнав о бегстве юноши, ощутила только сильнейшую досаду.

Она не соизволила признать в узнике заступника своего возлюбленного.

Чтобы вычеркнуть имя г-на де Моля из числа живых, она приказала совершить казнь несмотря ни на что.

И адвокат был колесован на Гревской площади вместо сира де Моля.

Молитесь за них.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

---

notes

Примечания

1

Манефон (III в. до н. э.) – египетский жрец, написавший не дошедшую до наших дней «Историю Египта».

Изабелла (Изабо) Баварская (1371—1435) – жена французского короля Карла VI, потерявшего рассудок в 1393 г.

Карл V – французский король (1364—1380).

4

Субсидии – поборы с населения при чрезвычайных обстоятельствах.

Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский (1371—1419) – глава феодальной группировки бургиньонов. Вступив в союз с английским королем Генрихом V, занял Париж.

Генрих Дерби – английский король Генрих V (1413—1422).

Одетта де Шан-д'Ивер – фаворитка Карла VI, развлекавшая умалишенного короля игрой в карты.

Тенсона – средневековый поэтический жанр, спор двух поэтов на определенную тему.

Вирелэ – шестистрочная строфа в старофранцузской поэзии.

Герцог Орлеанский (1372—1407) – брат короля Карла VI, убитый сторонниками герцога Бургундского.

Лилия – эмблема дома французских королей с XIII в.

Видам – в средние века наместник епископа.

Суды любви – суды, разбиравшие вопросы любовной этики в аристократических кругах средневековой Франции.

Шатле – замок в Париже, где помещался суд.